

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Aragon L. La mise à mort. Paris: Folio, 1970.
2. Desanti Dominique. Rencontre avec mère Marie. La sainte et l'incroyante. Bayard, 2007. Все дальнейшие цитаты приводятся по этому изданию в нашем переводе.
3. Эренбург Илья. Люди, годы, жизнь // Новый мир. 1960. № 9. С. 125-126.
4. Кузьмина-Караваева Е. Ю. Избранное. М., 1991 (впервые опубликовано: Мать Мария. «Встречи с Блоком» // Современные Записки (Париж). 1936. № 62).
5. Зайцев Б. Дневник писателя // Le Studio Franco-Russe. 1929-1931 (textes réunis et présentés par Leonid Livak). Toronto, 2005.

Наталья
Владимировна
ГОРБУНОВА

ОБРАЗ РОССИИ В РОМАНЕ Б. БЕЙНБРИДЖ «МАСТЕР ДЖОРДЖИ»

Россия в романе современного английского автора, посвященного Крымской войне 1853-1856 гг., представлена с точки зрения трех главных героев-англичан, по разным причинам принимавших участие в военных действиях. Фиксируя внимание читателя на их непосредственных впечатлениях, Б. Бейнбридж создает объемный и весьма неоднозначный образ России как территории одновременно обращенной и в прошлое, и в будущее, если по-человечески не близкой для европейца, то по крайней мере потенциально понятной ему.

Одна из основных потенциальных проблем восприятия данного текста русским/российским читателем — это проблема осмысления специфически *английского/британского* и шире — *европейского* взгляда на Россию, который представлен в романе Б. Бейнбридж. Писательница (пусть и дистанцированно, а значит, условно) все же выступает на стороне тех, кто в прошлом воевал с Россией. Поэтому наш соотечественник вправе ожидать на страницах романа вполне конкретный образ русского как врага по определению: образ русского войска как *неприятельского*, образ русского командования как *вражеского*, образ русского солдата как *враждебно настроенного*, даже *агрессивного*. Это, в свою очередь, должно привести и к использованию вполне ожидаемого набора «писательских штампов». Однако роман в определенной степени «обманывает» потенциальные ожидания русского/российского читателя. Возможно, потому, что три героя романа Б. Бейнбридж, являющиеся субъектами повествования, — не воен-

нообязанные, и принимать либо не принимать участие в Крымской войне — их личное дело. Возможно, и потому, что характер этой войны для них не совсем ясен; и только объект личной симпатии этих людей, Джордж Харди (или «мастер Джорджи», как называют его Мэтл и Помпи Джонс), связывает их с масштабными событиями общеевропейской истории.

Крымская война 1853-1856 гг. — мероприятие действительно масштабное. Первоначально она позиционировалась как русско-турецкая, поскольку камнем преткновения в этой войне было, по существу, господство на Ближнем Востоке. Однако позже это событие приобрело общеевропейский характер, так как в военные действия включились вооруженные силы Франции, Великобритании и Королевства Сардинии (с 1855 г.). Ключевым событием этой войны, и не только для России (!), стала (опять же традиционный, привычный штамп) «героическая оборона Севастополя», продолжавшаяся 349 дней, с 13 (25) сентября 1854 г. до 24 августа (8 сентября) 1855 г. При этом Россия воевала практически в одиночку, защищаясь от превосходящих сил противника

Таким образом, у читателя романа Б. Бейнбридж возникает вполне закономерный вопрос: почему британская писательница ориентируется именно на оборону Севастополя? Почему финал романа, завершающегося смертью главного героя, практически соотносится именно с началом обороны Севастополя, вписавшей героическую страницу прежде всего в русскую историю?! Ответ на этот вопрос может быть вполне однозначным. Герои романа высадились на русском берегу 14 сентября, а их марш по крымской земле начинается 18 сентября 1854 г., то есть *через пять дней после начала осады Севастополя* объединенными силами европейских армий. Более того, они следуют (по-видимому, в арьергарде наступающих войск) в восточном направлении, «параллельно Севастополю» [Bainbridge 2007: 185]. Но именно восточнее Севастополя в октябре 1854 г. произошло знаменитое *Инкерманское сражение*: русские войска пытались вынудить англо-французские вооруженные силы снять осаду, что закончилось *неудачей русских*. Таким образом, это действительно взгляд с противоположной, «нерусской», стороны, — и употребляемая лексика («осада Севастополя» вместо привычного для русского слуха «оборона»), и выбор времени и места действия в романе представляются вполне закономерными. В этой, как кажется, намеренной избирательности по отношению к фактам истории непосредственно проявляется авторская позиция — позиция британки, представляющей «наступающую» сторону в этой войне. Однако в чем смысл наступления и, в итоге, самой войны? В чем смысл появления героев Б. Бейнбридж на крымской земле?..

В романе отсутствует абсолютно неактуальная для литературы уже с XX в. фигура всезнающего повествователя, как, впрочем, и длинные отступления «разъясняющего характера», в определенной степени привычные для нашего представления об эпических литературных текстах на тему

«войны и мира». Читатель может знать что-либо о событиях Крымской войны, а может и не знать о них ничего. Историческая значимость изображаемых событий, их этическая оценка каждой из сторон здесь не представляются важными. Существенно другое: то, что Крымская война — лишь некий фон, который привносит еще более интимного, лирического, частного, сугубо субъективного в восприятие окружающей действительности, самой жизни каждым из героев романа. Согласно авторскому замыслу, они сознательно помещены в экстремальные условия существования, «пограничные» между жизнью и смертью, и изображение войны этому немало способствует. Герои романа, являясь представителями наступающей стороны, причем стороны сильной (!), а значит, и носителями смерти, в то же время и «объекты направленного воздействия»: по сути, смерть сама «идет за ними по пятам». (Неслучайно роман начинается с описания посмертного изображения мистера Харди, а завершается посмертным фото его сына, хирурга Джорджа Харди; примечательно и то, что в названиях трех из шести частей романа фигурируют слова «смерть», «война», «похоронь».) Однако именно заинтересованность в по-настоящему полноценной жизни заставляет Мэтл, Помпи Джонса и доктора Поттера находиться рядом с Джорджем, который становится живым воплощением своеобразной полноты бытия, так как именно с ним связаны их представления о любви, дружбе и родственном долге. Поэтому и Россия в повествовании каждого из рассказчиков представлена в соответствии с тем, каково их отношение к Джорджу и событиям этой «странной» войны.

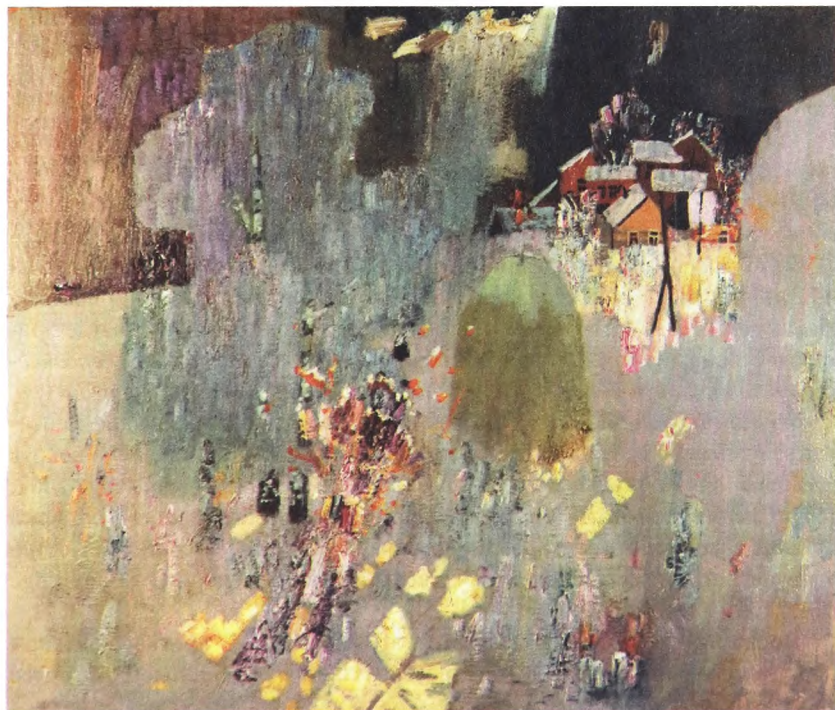
Впервые *Крым* упоминается в самом начале третьей части, где о событиях конца февраля-марта 1854 г. рассказывает доктор Поттер. Связанный с семьей Харди родственными узами (он женат на сестре Джорджа), именно Поттер размышляет об опрометчивости, «неразумности» предпринятого «семейного» путешествия. (При этом женщины и дети воспринимают совместную поездку в Константинополь, — своеобразный центр разворачивающихся на востоке военных действий, приведших к крымской кампании, — как увеселительную прогулку, морскую экскурсию.) Доктор Поттер — единственный из сопровождающих Джорджа, кто уже был в Крыму. Двадцать лет назад, движимый своими научными интересами, он объехал все побережье (лучше всего ему известна *Балаклава* и ее окрестности). Поэтому Поттер знает не только об особенностях почвы или строения геологических пластов крымской земли (преимущественно, это известняк). Ему памятливы и крайности климатических условий: прохладные, даже морозные, весенние ночи, иссушающая летняя жара.

Несмотря на то, что на судне, следующем на Мальту, разговоры за завтраком обязательно сводятся к тому, что война с Россией неизбежна, а военное присутствие англичан на причерноморских территориях необходимо, единственной мыслью Поттера по поводу этого становится мысль о главном победителе в любой войне — «зломом оскале смерти» [Bainbridge

Европейский взгляд на Россию

2007: 80]. Разговор с «ура-патриотом» мистером Ноутоном лишний раз подчеркивает трезвость суждений доктора Поттера в отношении «восточной кампании», предпринятой европейскими правительствами. Россия — как в определенной степени и Турция — предстает в воспоминаниях и размышлениях Поттера как некая *малоизвестная* европейцам, по сути, *восточная, страна*, где, в частности, «мало дорог» [Bainbridge 2007: 76], не говоря уже о том, что дороги эти *немоощенные*. В этом же примечательном разговоре впервые упоминается и *Севастополь*, когда доктор Поттер, по поводу пространных рассуждений Ноутона, иронически замечает, что отнюдь не звуки музыки их соотечественники обрушат на этот город в случае объявления Великобританией о вступлении в войну с Россией. Возможно, именно поэтому трагическое происшествие с детьми и щенками в константинопольском отеле описывается достаточно подробно (это описание занимает целую страницу); о том же, что объявлена война с Россией, сообщается буквально одной строкой. Поттер знает, к чему это может привести, вот почему он так немногословен и скуп на эмоции.

Именно благодаря доктору Поттеру в романе достаточно явно представлен философский аспект восприятия этой войны. Так, случайная встреча

А. Новик. ЗИМНИЙ ВЕЧЕР, 1998

с давним знакомым, директором Археологической музейной коллекции в Керчи Густавом Штрайхером, которую сам Поттер расценивает не иначе как «волю провидения», становится своеобразным стимулом для размышлений не столько о настоящих событиях, сколько о судьбе Улисса и его скитаниях, о том, чем была для древнего мира Троянская война. Как ни странно, но события далекого, полумифического прошлого, представляются доктору Поттеру гораздо более интересными и значительными, чем то, что происходит «здесь и сейчас». (Впоследствии, уже прибыв в Крым, непосредственно перед лицом смерти, доктор Поттер кажется человеком, все глубже уходящим в себя; подтверждением этому для его спутников становится частое цитирование Гомера в переводе А. Поупа).

Он размышляет не только о далеком, «мифологическом», прошлом, но и о прошлом сравнительно недавнем. Так, именно доктор Поттер слышит от грека-проводника (еще до высадки в Крыму) об озере, откуда, особенно по ночам, поднимается ядовитый туман, вызванный, скорее всего, близостью военного кладбища, где покоятся *останки* шести тысяч *русских жертв чумы* 1829 г. Таким образом, на протяжении всей третьей части, где события представлены с точки зрения доктора Поттера, упоминания о России и русских так или иначе связаны со смертью. Россия — в представлении Поттера в 1854 г. — это и неотъемлемая часть его воспоминаний о молодости, и некое *инфернальное пространство*, в какой-то степени даже напоминающее ад в изображении Данте; *территория, одновременно обретенная и в прошлое, и в будущее*.

Именно доктор Поттер становится в определенной степени хроникером происходящего. Вероятно, потому, что он прежде всего ученый, причем ученый-естественник, который «по долгу службы» призван фиксировать конкретные факты, для того, чтобы впоследствии выявить некие универсальные законы существования и развития не только физической реальности, но и мира человеческих отношений. Может быть, именно поэтому он так точно называет любую местность или точку пространства, где британские войска проходят или останавливаются: *Севастополь, Херсонесское плато, Сапун-гора, речка Черная, Балаклава, Кадикой, гора Джура, Инкерман, Черная долина* и т. п. Так, во время высадки на западном побережье Крыма 14 сентября Поттер прежде всего отмечает царящую вокруг *пустоту*: «пустое побережье, ни кавалерии, ни орудий» [Bainbridge 2007: 157]. Следует отметить, что территория Крыма и впоследствии остается пугающе *пустынным, безлюдным* пространством. Так, 18 сентября Поттер отмечает: «Шли весь день. Не было воды и никого на дороге» [Bainbridge 2007: 159].

Поскольку марш осуществляется в направлении, противоположном морю, а море остается позади, это пространство кажется не только все более пустынным, но и все более *безводным*. Единственное, что обращает на себя внимание — это *мухи* и солдаты, падающие на обочине от выпитого вина, ко-

торое не может заменить воду. Иногда появляется *низкий кустарник*, позже — *маленькая речка*, потом — *деревушки*, где когда-то доктор Поттер покупал хлеб и вино, а также — бесчисленные *древние руины*. Позже обращают на себя внимание и многочисленные животные без хозяев, и «человеческая нога в кавалерийском сапоге», оторванная по колено. Земля — сухая, поросшая жестким дубняком с корнями, которые даже после многочасового ливня невозможно извлечь из почвы без помощи мотыги. (Единственный признак живой растительности — это крошечный голубой цветок, размером не более пуговицы, который доктор Поттер заметил в каменной расщелине во время похорон погибших и умерших от ран британских солдат.) Однако даже марш по этой неприветливой для англичан земле, по его мнению, гораздо лучше, чем «*ад бездействия*» [Bainbridge 2007: 159].

Но эта земля может превращаться и в *болото*, *трясину*, *грязное месиво*, когда начинается «ужасный ливень». Люди, по свидетельству того же Поттера, промокают насквозь, и в стоящей стеной воде напоминают ему скорее рыб, чем человеческие существа. Ни палатки, ни одеяла не могут служить убежищем от этого ужасного ливня, который, как отмечает Поттер, совершенно не похож на мелкий моросящий дождик английской осени. Особенно этот контраст ощутим благодаря полученному Поттером письму из дома, в котором жена Беатрис пишет: «Погода прекрасная». В Крыму же «вокруг ни одного сухого дерева, чтобы развести огонь», поэтому «войска вынуждены передвигаться без завтрака» [Bainbridge 2007: 158]. Тем не менее, все это не мешает Поттеру иногда (!) воспринимать окрестные склоны, поросшие редкими карликовыми кипарисами, подобно видам с пейзажей великих мастеров прошлого — «любоваться ландшафтами, напоминающими полотна Тициана» [Bainbridge 2007: 159].

«Утомительный путь по Херсонесскому плато» для Поттера озарен идиллическими воспоминаниями о том, что происходило с ним здесь двадцать лет назад (он не забыл и женщину, продавшую ему дыню, и греческие рыбацкие деревушки); мыслями об исконно татарских названиях многих населенных пунктов вокруг, таких, как Кадикой, или «место судей» [Bainbridge 2007: 162-163]. Однако размышляя о *греках* и *татарах*, *давно обживших эти места*, доктор Поттер не забывает и о своей родине. Так, Херсонесское плато, на котором расположился военный лагерь, напоминает ему остров Уайт, знаменитую зону отдыха в Англии, где располагаются приморские климатические курорты. И трудно определить, чего в этом сравнении больше: горькой иронии или тоски по родине.

Как ни странно, но именно доктор Поттер «сообщает» читателю и о расстановке британских, французских и русских вооруженных сил. Так, он первый тревожится по поводу *возможных столкновений с русскими*, и тревога его еще более возрастает, когда обнаруживается, что побережье, где произошла высадка, безлюдно: «Никто не знал, известно ли что-нибудь русским о нашей высадке, ждут ли они нас. Никого!». Пот-

тер уверен, что англичане двигаются прямо по направлению к Севастополю. Однако «в результате разногласий между французами и лордом Рэгланом войска встали на несколько дней и собрались укрепляться». В итоге «Севастополь оказался окружен» [Bainbridge 2007: 161]. Хотя при этом смысл слова «окружение» для Поттера не столь однозначен, как для остальных его соотечественников: об этом свидетельствует множество ассоциаций, возникших в связи с сообщением о Севастополе.

Понятие «окружение», «осада» порождает образ «круга», вызывающий у доктора Поттера и воспоминания, связанные с многочисленными детскими играми; и представление о «линии без начала и конца» — о чем-то вечном, продолжающемся, постоянно длящемся; и мысль о давней традиции собираться вокруг «главного», самого авторитетного в коллективе лица, чтобы обсудить насущные вопросы бытия [Bainbridge 2007: 161]. Более того, «круг» для Поттера — это своеобразный символ чего-то незавершенного, где предшествующее предполагает последующее, а все последующее есть лишь результат предшествующих событий. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что всему, происходящему в Крыму, он придает не столько специфически национальный, сколько общечеловеческий смысл.

Именно доктор Поттер фиксирует характер передвижения по крымской земле: сначала «ад бездействия», затем «утомительный марш», после — «колебания командования в отношении военных действий с русскими». Потом в поле зрения Поттера неизбежно возникает «офицер с трясущимися руками», который участвовал в *ночной стычке* с по-прежнему неведомым и невидимым в арьергарде британских войск врагом. После сообщения о ночном столкновении Поттер фиксирует «незначительное движение в сторону Инкермана» и отмечает весьма важный факт: полевые офицеры, хоть и неохотно, но все же показывают ему «*русскую карту местности*». В результате и другие герои повествования получают возможность не только ориентироваться в пространстве, но и понять схему возможных передвижений британских солдат и союзнических войск. Это лишний раз подтверждает *реальность* происходящего (в которой постепенно вроде бы разуверяет читателей приобретающий чуть ли не *мистическую* окраску характер событий и взгляд на них слегка чудаковатого ученого).

Крым 1854 г. в представлении Поттера — это еще и воплощение безрадостного настоящего, практически *лишенного многоцветности*, присущей обычному человеческому миру. Фиксация цвета, если и присутствует, то незначительная: на уровне названий (*Черная долина / Tchernaya vally, Черная речка / Tchernaya river*); на уровне характеристики крымской земли («*красноватый известняк*», «*красноватые склоны*» горы Джура). О том, что это пространство не изначально бесцветно, свидетельствуют воспоминания доктора Поттера (выходит, для него окружающий мир обесцвечен происходящим). Несколько украшают эту унылую картину два *оранжевых* апельсина, которые Мэтл приберегает для Джорджа (один из них она отда-

ет умирающему трубачу). Дополняет увиденное Поттером набор *однородных звуков*: «*барабанный бой*» и «*грохот тяжелых орудий в ночи*» словно сливаются с *шумом ветра и дождя*, и только иногда можно расслышать биение собственного сердца. Жутковатое ощущение от увиденного и услышанного усиливается редкими замечаниями доктора Поттера о *запахах*, преследующих его на этой земле и свидетельствующих о *тленной природе человека*: запахе собственного тела и жутком запахе госпиталя, которые перебивают все остальные (например, «едва уловимый запах васильков» [Bainbridge 2007: 180-181]).

Таким образом, все наблюдения и ощущения доктора Поттера, ставшего невольным свидетелем и даже участником крымских событий, подтверждают: война в Крыму (а значит, и война с Россией) — это, без преувеличения, настоящий *ад*. Неслучайно, пытаясь хоть как-то осмыслить происходящее, он задает себе вопрос, на который не находит ответа: «Случайность или сама судьба забросила меня в это *гиблое место* в этот конкретный момент истории?» [Bainbridge 2007: 167].

Для другой героини романа, Мэтл, война — повод быть рядом с любимым человеком. Однако именно поэтому она тоже, пусть и по-своему, интересуется тем, что же происходит вокруг и как это может отразиться на ее судьбе и в жизни Джорджа. Возможно, потому, что Джордж Харди словно бы заслоняет для Мэтл все остальное, Россия (как *потенциальный враг!*) в ее восприятии представлена *опосредованно* — через осмысление «чужих» разговоров, обрывков фраз, вскользь брошенных другими. Она не знает точной даты отправки в Крым, не понимает цели этой войны, не может даже предположить, каковы они, эти русские.

Все, что касается русских и России, — неявно, неточно. Вся информация, которой располагает Мэтл — это «*невнятные заявления высшего командования относительно численности русских войск*» [Bainbridge 2007: 133-134]. Само же командование (в частности, лорд Реглан, потерявший руку в знаменитой битве при Ватерлоо), по слухам, расположилось «на кишашей тараканами вилле в Варне» (где, видимо, и решается дальнейшая судьба Европы и России). Именно Мэтл отмечает, что в британских войсках нет особого энтузиазма, желания и дальше воевать с Россией на ее территории (что подтверждается впоследствии и доктором Поттером). Неслучайно она обращает внимание на разговор, состоявшийся между «полковником миссис Ярдли» и Джорджем. Они сдержанно обсуждают высказывание доктора Холла, оценившего происходящее как «*дьявольскую неразбериху второй*» [Bainbridge 2007: 133-134]. Более того, эта «*дьявольская неразбериха*» наполняется вполне реальным содержанием, когда впоследствии события в России комментирует Поттер.

Завершает роман рассказ Помпи Джонса о событиях, относящихся к ноябрю 1854 г. Помпи молод, давно влюблен в Мэтл, официально присутствует в Крыму как ассистент фотографа. Призванный по роду деятель-

ности объективно представлять происходящее, Помпи Джонс воспринимает окружающую его действительность прежде всего как некое «здесь и сейчас». В его рассказе как бы концентрируется все, что читатель узнал об этой войне от доктора Поттера и Мэтл, но ракурс восприятия у Помпи иной, более реалистичный. В его комментариях нет ни чисто женского недоумения по поводу военных событий, ни намеренной их «поэтизации». (Так, например, если для Поттера госпиталь, где работает Джордж — «подлинная Валгалла» [Bainbridge 2007: 109], то для Помпи это просто «склеп» [Bainbridge 2007: 188]). Поттер, который бродит вокруг древних развалин (в месте, где укрепилось одно из британских подразделений) и вдохновенно рассказывает окружающим об их славной истории, по мнению Джонса, настолько погружен в прошлое, что чувствует себя там «как дома». Для самого же Помпи остается непонятным, как можно настолько абстрагироваться от реальности, которая каждое мгновение угрожает смертью.

Он так же точен, как и ученый Поттер, в особенности, когда фиксирует местоположение британских войск, называя населенные пункты или характеризуя ландшафт, те точки в пространстве, где приходится идти или останавливаться. Это и «какие-то руины» — развалины старинного монастыря в горах («очень древние камни», по утверждению Поттера); и *Сапун-гора*; и *Инкерман*; «вид на лоцину и Почтовую дорогу, которая напрямик ведет к Севастополю» [Bainbridge 2007: 186]. Он фиксирует расстояния с точностью до мили, но более скуп на описания, эпитеты и размышления, по сравнению со своим ученым спутником. Именно благодаря Помпи Джонсу суровые реалии войны в Крыму обретают предельно конкретные очертания.

Так, например, он отмечает, что ландшафт «каменистый» не столько как сторонний наблюдатель, сколько как непосредственный участник событий: в связи с похоронами большого количества погибших воинов необходимо рыть могилы, что в Крыму означает буквально «долбить землю». Поэтому же в его рассказе часты упоминания о *грязи* и *слякоти*, а главное — о *тумане*, так как именно туман мешает человеку с фотоаппаратом обозреть окрестности, подчас ничего не позволяя увидеть на расстоянии вытянутой руки. Но почти осязаемую конкретику крымская/ русская земля обретает в рассказе Помпи Джонса благодаря цвету (что, вероятно, также напрямую связано с родом его деятельности).

Укрепления, занятые британскими войсками рядом с дорогой, ведущей в Севастополь и названные Поттером «воротами в Средиземное море» [Bainbridge 2007: 186], расположены, по мнению Джонса, в месте, которое выглядит жалким подобием ярких и жизнерадостных средиземноморских видов: «И море, и небо одинакового *пепельного* оттенка...» [Bainbridge 2007: 186]. Единственное, что хоть как-то расцвечивает этот унылый пейзаж, — оставшаяся у некоторых англичан летняя униформа «*цвета старой свекловицы*». В целом же «*серые* колонны марширующих солдат» словно растворяются и окончательно исчезают в *сером*, «призрачном свете дня».

Европейский взгляд на Россию

Серый горизонт днем временами озаряется сиреневыми вспышками орудийных разрывов, а ночью поглощается зловещим красным заревом, охваченный «фонтанами пламени», которые постепенно становятся «клубами кровавого дыма». Вспышки ослепительно яркого света вызывают свинцовые блики на поверхности воды, а туман, «плотный как шерсть», напоминает Помпи Джонсу «белые кипы хлопка».

Именно в повествовании этого героя романа конкретизируется и звуковая картина происходящего: однородный цветовой фон неразрывно связан с однообразным «грохотом, день и ночь». «Звуки разрывов» — результат «постоянного обстрела со стороны русских», которые постепенно начинают предпринимать более активные действия в отношении высадившихся на крымской земле союзнических войск. «Заградительный огневой вал русских орудий» подчас сопровождается ливнем, словно сама природа ополчилась на британских солдат, чтобы сделать их пребывание в Крыму совершенно невыносимым. В итоге все звуки сливаются в сплошной «гро-

А. Новик. ОСЕНЬ, 1984 (литография)

хот тяжелых орудий, *их и наших*», как отмечает Помпи Джонс [Bainbridge 2007: 202]. Этот грохот постепенно сменяется «отрывистыми звуками оружейных залпов», переходящими в «шум льющегося дождя», после чего все погружается в недолгую тишину. И совершенно нереальным в этом аду представляется звон церковных колоколов в осажденном Севастополе, едва слышимый в туманной мгле (неслучайно Поттеру этот звон кажется чем-то призрачным, порождением очередной грезы, сном наяву).

Благодаря Помпи Джонсу читатель имеет возможность составить наиболее полное, конкретное представление о *неприятеле*. Из-за русской артиллерии британские войска не могут получить провиант; ни дня не обходится без раненых: за три часа Джордж оперирует десять человек, и в основном это тяжелые ампутации. Упомянув разговор «о князе Меншикове, предпринявшем неожиданную атаку на вторую дивизию», и «русских батальонах, намеренных прорвать осаду Севастополя», он отмечает: «Численность неприятельских войск, по слухам, огромна. Кто-то сказал, что в наступлении задействовано до сорока тысяч человек» [Bainbridge 2007: 201]. Более того, именно ассистенту фотографа в романе Б. Бейнбридж суждено встретиться с русскими лицом к лицу в буквальном смысле слова. Он наконец-то видит и «тела вражеских стрелков после боя»; и неожиданно замечает «русского, который целится прямо ему в сердце» [Bainbridge 2007: 203]. Внезапная, абсолютно непредсказуемая встреча, практически один на один, заканчивается неожиданным спасением Помпи только благодаря Мэтл, а русский солдат, выстрелив и попав в раненого, просто спокойно уходит.

На пути следующих за колонной британских войск Помпи и Мэтл оказывается повозка, «вокруг которой лежит дюжина или более тел убитых русских». Обшаривая труп одного из них, Помпи ощущает запах еще недавно живого человеческого тела, «запах кожи и пота». Извлекая из складок его шинели металлическую фляжку, где остался «глоток водки», Джонс замечает: «Впервые за этот день кровь побежала по жилам. Я взял бы и его мохнатый кивер, если бы не боялся, что меня примут за неприятеля» [Bainbridge 2007: 205]. Это косвенно подтверждает размышления доктора Поттера о том, что между воюющими сторонами нет принципиальной разницы (особенно между простыми солдатами). Скорее наоборот: и англичане, и русские имеют несчастье принадлежать к одной породе существ, сталкивающейся не столько с постепенным угасанием, как и все живое, сколько с сознательным уничтожением любых следов своего пребывания в этом мире [Bainbridge 2007: 181].

Эта общность уготованной и тем, и другим судьбы словно намеренно подчеркивается автором по мере приближения повествования к финалу. Неслучайно Помпи Джонс констатирует: «Все, что я знал о русских, — это что они и впереди, и в тылу» [Bainbridge 2007: 205] (словно, вместе со своими соотечественниками, победно начавшими марш по крымской земле, он меняется местами с русскими, осажденными в Севастополе). Вот почему до-

рога, по которой двигаются британские войска, пробуждает даже у немного циничного Помпи Джонса «суеверный ужас» [Bainbridge 2007: 206], вызванный натуралистическими подробностями увиденного после недавних сражений. В итоге и «снаряды, посылаемые русскими батареями», которые вынуждают англичан вести себя «подобно зайцам», убегающим от преследования «овечьими тропами»; и «внезапная атака русских», постепенно приобретающая все более «угрожающие размеры», являются предвестниками столкновения, которого не удастся избежать. Для Помпи Джонса — это личный поединок между английским и русским офицерами, которые сошлись в «танце смерти» под ободряющие крики остальных, и бились практически на равных [Bainbridge 2007: 208]. Только упав, оба смертельно раненные, они как бы размыкают окружающее их людское кольцо, и теперь уже солдаты обеих армий сходятся врукопашную в последнем, для многих смертельном, поединке. Будучи одним из участников «этой ужасающей бойни», как и все, охваченный «жаждой мщения», Помпи Джонс решает пожалеть русского парня, на которого смотрит как на свое отражение в некоем невидимом зеркале. Однако противник просто не понимает, а значит, и не принимает пощады, и Джонс вынужден его убить.

За это невольное убийство, по-своему символичное, вынужден расплатиться другой англичанин, хирург Джордж Харди. Разыскивая на поле боя раненых, он натывается на шестерых солдат обеих армий, тела которых лежат практически друг на друге. Именно в тот момент, когда Джордж готов оказать помощь всем шестерым, независимо от их национальной принадлежности, из-за мешков с песком раздается выстрел: «<...>раненый русский <...> выстрелил. <...> Джордж <...> упал» [Bainbridge 2007: 211].

Эта смерть представляется по-своему закономерной, особенно если учесть, как в Британии до сих пор принято оценивать Крымскую кампанию. Россия, по сути, была побеждена, но, как отмечает исследователь викторианской эпохи К. Хибберт, «<...> это была победа не союзников, а исключительно французской армии. <...> 30 марта 1856 г. был подписан Парижский мирный договор. В Англии он стал настолько непопулярен, что даже говорить об этом никому не хотелось» [Хибберт 2008: 341]. Более того, королева Виктория была уверена, что «такой мир будет как кость в горле <...> для всей нации» [Хибберт 2008: 340]. Можно предположить, что роман Б. Бейнбридж — это своеобразная попытка не просто представить конкретную историческую ситуацию, но и понять, почему же итог этой ситуации оказался таким неоднозначным. И многое, как кажется, объясняет позиция автора в отношении России.

Россия в романе Б. Бейнбридж предстает перед читателем как по большому счету мало знакомая, по-своему экзотическая страна. Герои романа, вместе с британскими войсками высадившись на побережье и поднимаясь все выше в горы, словно оказываются плененными этим мистически безжизненным пространством. Ступив на «вражескую территорию», они ста-

новятся ее заложниками: путь наверх выглядит как символический спуск в адскую бездну. Под стать этой «бездне» и обретающиеся там существа — вроде бы живые, но безмолвные и словно невидимые. Таким образом, русский/российский читатель может разглядеть в изображенной Б. Бейнбридж России чуть ли не преисподнюю, населенную дикими, кровожадными людоедами, которых так и не коснулись блага европейской цивилизации. (Кстати, пропагандистская машина Британской империи во время Крымской кампании активно создавала именно такой «образ врага» [см., напр.: Хибберт 2008: 318]).

Но Б. Бейнбридж — человек другого времени, и от изображенных в романе событий ее отделяет почти полтора столетия. Если попытаться изменить ракурс, уйти от поверхностного, однозначного восприятия ситуации (что, как кажется, и попыталась сделать автор романа), Россия представляется иной: если по-человечески не близкой для европейца, то, по крайней мере, потенциально понятной ему. Крым — сравнительно недавно ставший частью России — изначально принадлежит великому прошлому всего человечества, является частью не только общеевропейского, но и общемирового культурного пространства. Благодаря Крыму Россия у Б. Бейнбридж словно встраивается в ряд великих империй прошлого и настоящего. Путь героев романа заставляет читателя задуматься о пути, пройденном человечеством. Так, выйдя из *Ливерпуля* (Британская империя), судно следует через *Мальту* (с ее славным римско-византийским прошлым) в *Константинополь* (где оставили свой след и римляне, и крестоносцы). Переходя «из рук в руки» в результате жестоких завоеваний, этот город был столицей Восточной Римской, Латинской, Византийской и Османской империй. Как бы замыкая магический круг, герои романа через *Варну* попадают в *Крым*, — который, будучи когда-то достойной частью античного мира, уже принадлежит Российской империи. А все империи в итоге ожидает одна и та же участь — неизбежное исчезновение. Единственное, что остается — бесчисленные древние руины и человеческая память.

Так, создавая в своем романе весьма *неоднозначный образ России*, Б. Бейнбридж заставляет читателя задуматься не столько об отдельных судьбах англичан или русских, сколько о неких закономерностях развития и европейской культуры, и человеческого мира в целом, реализуя тем самым многочисленные возможности традиции обращения к истории, по-прежнему, как и два века назад, актуальной для английской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bainbridge B. Master Georgie. London: Abacus, 2007. 212 с.
2. Хибберт К. Королева Виктория / пер. с англ. В. М. Заболотного. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 700 с.